

Это была грабеж в потьмах.

Захваченный в заложники агнец ронял слезы, крупные, как горошины, и вскоре все его лицо стало мокрым. Он пребывал в состоянии крайнего ужаса, словно сломался изнутри. Рот, который крепко зажимали, невозможно было сомкнуть, и высунутый язык случайно коснулся раны на ладони мужчины.

Линь Хуайшэн слышал сдавленный стон.

Это Арнольд.

Вероятно, Арнольду тоже не приносило удовольствия, когда скользкий, влажный язык буравил его рану, поэтому он немного ослабил хватку на нижней части лица Линь Хуайшэна. Он знал, что этот ребенок слишком напуган, а его нервная система поразительно хрупка. Сейчас тело, прижатое к нему, дрожало без остановки. Арнольд стремился успокоить Линь Хуайшэна, а потому намеренно смягчил тон.

— Я уберу руку. Не бойся, ладно? И не кричи.

Линь Хуайшэн больше поддался страху перед двумя мужчинами, превосходящими его в силе и размерах, чем заверениям Арнольда. Потребовалось несколько секунд, прежде чем его заторможенный мозг полностью осознал слова, и он в знак согласия дрожаще кивнул.

Он все еще плакал, и слезы снова капали на руку Арнольда. Возможно, в складке между его большим и указательным пальцем уже собралась целая лужица.

Арнольд ощутил прилив беспомощности.

Впрочем, забота о слабых стала для него естественным долгом.

Тем более, перед ним была такая прекрасная и хрупкая жизнь. Если этот человек нуждался в нем, то какой мужчина не почувствовал бы удовлетворения своего тонкого чувства мужского превосходства?

— Я убираю руку.

Арнольд продолжал давать Линь Хуайшэну в своих объятиях знаки, будто это он сам контролировал ситуацию, хотя на самом деле мужчина мысленно засекал время, прислушиваясь к сердцебиению того, кто прижался к нему, постепенно приходя в норму.

— Хорошо, умница. Я отпускаю, договорились?

Сказав это, Арнольд разжал пальцы. Звук дыхания Линь Хуайшэна в темноте стал отчетливее, но он не закричал. Испуганный ягненок в итоге не привлек охотника.

Даже Арнольд втайне выдохнул с облегчением.

Мужчина опустился на колени, поглаживая все еще дрожащую спину юноши, осыпая его уверенными, позитивными словами.

— Ты такой молодец, спасибо.

Линь Хуайшэн все еще не пришел в себя, лишь в полузабытии опираясь на Арнольда. Что тот говорил, его затуманенный мозг толком не разобрал.

Грабеж и поглощение пищи завершились. Теперь, когда пришло время задуматься, кто это был, ответ стал очевиден. Исер бросил Арнольду остатки еды, которую не доел, а сам наклонился, незримо зажав Линь Хуайшэна с двух сторон и лишив его возможности пошевелиться.

После стольких дней в заточении глаза Исера почти привыкли к темноте. Теперь он отчетливо видел каждую мелкую текстуру кожи на лице ягненка, хотя сам ягненок его не видел.

Исеру было жаль, что это так.

Что-то быстро скользнуло под его глазом — движение было настолько легким, что Линь Хуайшэн не успел среагировать и лишь застыл в недоумении, но следом услышал низкий, довольный смешок Исера.

Исер протянул руку и смахнул слезы с лица ягненка. Он наслаждался даром этой мягкой кожи, а затем поднес большой палец, на котором остались слезы, к губам и облизал его.

Жалея ягненка за его слепоту, он в то же время пользовался тем, что тот ничего не видит, и вел себя бесцеремонно.

Он продолжал есть и при этом ворчал:

— Ягненок, в еде, которую ты принес, нет воды.

Хотя Линь Хуайшэн изначально и хотел, чтобы эти двое смогли поесть, подобная наглость Исера заставила его на мгновение искренне пожелать разорвать веревки и разбить ему голову. В отношениях с людьми Линь Хуайшэн меньше всего умел и любил иметь дело с такими, как Исер.

Звук облизывания был отчетливо слышен, и ягненок с опозданием вспыхнул от стыда. Сейчас Арнольд за спиной казался ему куда более надежной опорой, и Линь Хуайшэн невольно подался назад. Он фактически сидел в объятиях Арнольда, и стоило ему откинуться, как Арнольду пришлось пододвинуть свои длинные ноги, отступая назад, чтобы сохранить достойную и вежливую дистанцию.

Исер с интересом наблюдал за этим, даже желая добавить им обоим еще больше неловкости.

Он нарочно приблизился еще ближе, чтобы Линь Хуайшэн почувствовал его дыхание. Должно быть, в детстве он был тем самым вредным мальчишкой в городке, который обижал слабых и задира л девочек, которые ему нравились. Ягненок явно испугался, его пушистые ресницы резко дрогнули. Это его ответный удар? — замороженно подумал Исер. Его кончик носа чуть не задела.

Теперь, когда Исер был сыт, его скверный характер проявлялся ежесекундно. Даже строгий предупреждающий взгляд Арнольда почти не действовал на него.

— Ягненок, у тебя на глазах бабочка.

Он потянулся, намереваясь коснуться ресниц Линь Хуайшэна.

В тот момент, когда Линь Хуайшэн почувствовал, что больше не может терпеть, он неожиданно услышал вторую часть фразы Исера:

— Такая красивая. Когда ты плачешь, они такие влажные, — Исер рассмеялся. — Такие блестящие... Ягненок, а ты ведь не ослеп, правда?

Линь Хуайшэн замер.

Шутливое подозрение Исера заставило насторожиться и Арнольда. Арнольд лучше всех чувствовал состояние юноши. Линь Хуайшэн сначала полностью оцепенел, но в этом оцепенении начала проступать дрожь, словно проявление какой-то болезни, которую он был не в силах контролировать. Мышцы сокращались все сильнее, и Арнольд был вынужден проявить беспокойство.

— Ты в порядке?

Не успел Арнольд договорить, как Линь Хуайшэн резко бросился в сторону Исера. Его дрожь была вызвана яростью, и хотя он не мог тягаться с Исером, маленький ягненок, издавая невнятные звуки, начал свою атаку.

Слепой бил наугад, рискуя лишь навредить себе. Исер легко перехватил связанные запястья Линь Хуайшэна и, используя силу, притянул его ближе, вырвав из объятий Арнольда.

Оказавшись рядом, Исер ощутил исходящий от послушного ребенка мир и кротость — в этот момент это действовало так умиротворяюще, что хотелось, забыв обо всех опасностях, просто обнять его и крепко уснуть.

Даже схватив Линь Хуайшэна за руки, Исер чувствовал его отчаянное сопротивление. Линь Хуайшэн вырывался, его запястья были в кровь стерты веревками, и хотя кровь еще не выступила на поверхность, волокна веревки впитывали влагу, причиняя боль. Линь Хуайшэн дрожал еще сильнее, но продолжал бороться не на жизнь, а на смерть. В глазах Исера он был идеальным боевым барашком.

Тут Исер понял, что зашел слишком далеко в своих шутках. Он разжег в этом ягненке настоящую ярость и боевой дух, но, будучи подлецом, затосковал по кротости, поэтому поспешил обхватить руки Линь Хуайшэна, чтобы тот не «самоуничтожился».

— Эй, эй!

И тут же получил сжатым кулаком Линь Хуайшэна по переносице.

Исер был бы дураком, если бы отпустил его сейчас. Пришлось терпеть кислую боль в носу и подобострастно заискивать:

— Не дергайся, не надо! Я говорю, тебе же больно... Арнольд украл нож, скоро мы тебя развяжем, хорошо?

Исер, будучи пройдохой, наблюдал за выражением лица Линь Хуайшэна.

— Это я виноват, не стоило так говорить. Когда ягненок освободится, я не буду сопротивляться, можешь выпустить пар.

Сказав это, светловолосый юноша, словно большой пес, осторожно коснулся раны на запястье Линь Хуайшэна. Тот болезненно вздрогнул.

— Видишь, как больно.

Исер улыбнулся и ласково смахнул слезу с уголка глаза Линь Хуайшэна. В отличие от того, как он слизывал слезы раньше, сейчас он был вежлив и обходителен, словно стирал улики того, что Линь Хуайшэн плакал.

Арнольд подыграл ему, достав спрятанный нож.

...

В комнате наблюдения Си слишком много курил.

Лион сообщил ему новости и ушел досыпать. Глубокой ночью Си остался один. В небольшом замкнутом пространстве запах дыма застоялся, становясь таким же отвратительным, как в самом грязном борделе или притоне нижних уровней.

Си беспокоился не о планах. Новости от Лиона были хорошими. Их последнее видео наконец заставило Федерацию пойти на явные уступки. Федерация связалась с ними напрямую, их тон заметно изменился, они были готовы обсуждать даже самые жесткие требования Си, выдвинув лишь одно пустяковое условие: безопасность трех оставшихся заложников должна быть гарантирована.

Победа была близка.

Но Си не чувствовал радости. Его свирепость и бесстрашие были скованы — его ягненком. Он больше не был просто похитителем, а значит, не мог ощутить чистого восторга преступника.

Линь Хуайшэн слишком сильно изменил его. Это даже заставляло его сейчас пускать дым, отвлекаясь на мысли о нем. На мониторе фигура Линь Хуайшэна была видна лишь частично. Конечно, тот, возможно, и не знал, что в комнате есть скрытая камера. Си подумал: если бы ягненок знал, он бы обязательно держался в кадре, стараясь быть на виду, чтобы Си мог смотреть на него каждую секунду. Ребенок обязательно бы так поступил — Си был уверен, это было бы проявлением его милой привязанности.

Но теперь, даже если бы Линь Хуайшэн знал, он бы не стал позировать для Си.

Хаотичные мысли пожирали разум Си, рождая в нем нечто новое. Он чувствовал, как медленно превращается в другого человека. Но если новым существом в его голове станет ягненок, то, подумал он, это даже неплохо.

Мужчина застыл в своих фантазиях, пока сигарета не обожгла пальцы, приведя его в чувство. Он увидел, что ягненок в кадре страдает.

Размытые силуэты в темноте. Фигуры сплелись воедино. Си едва мог различить, где Линь Хуайшэн. Но вскоре он понял: ягненка прижали к полу, грубо издевались, отбирали еду, не проявляя благодарности, и причиняли новую боль. Эта грубость, это насилие, это вторжение — то, о чем подумает любой мужчина.

Мир внезапно перевернулся.

Заложник стал жертвой, а похититель за монитором обрел миссию спасителя. Неизменным оставался лишь ягненок, казалось, вечно обреченный на страдания.

Си никогда не испытывал такой ярости. Он выхватил пистолет и бросился туда.

Все его мысли были заняты лишь тем человеком. Те «сто с лишним шагов», о которых он говорил, внезапно показались ему ненавистными. Си казалось, что до цели тысячи шагов, но он преодолел их за мгновение. В момент, когда дверь распахнулась, Арнольд и Исер, скрывавшиеся в углу, бросились в атаку. Арнольд с ножом в руке целился прямо в сердце Си.

Си не успел среагировать и был схвачен, но в последний момент вырвался, избежав смертельного удара — лезвие лишь рассекло плечо. Запах крови смешался с запахом дыма, заполнив полузакрытую камеру. Высокий похититель, разъяренный, с серыми глазами, полными убийственного блеска, вскинул пистолет и выстрелил в Арнольда.

Хотя он промахнулся, выстрел погрузил комнату в еще больший хаос.

Эмоции, сдерживаемые весь день, вырвались наружу. Си превратился в безумца, выплескивая гнев. Оглушительные выстрелы, пороховой дым и кровь превратили комнату в бойню. Арнольд и Исер были в отчаянном положении — упустив лучший шанс, они теперь ждали лишь смерти.

В суматохе Арнольд схватил Линь Хуайшэна и рывком втянул его в центр схватки.

Он хотел, чтобы похититель увидел своего ягненка.

Заложник стал живым щитом, и Арнольд сам превратился в похитителя. Немец приставил нож к горлу Линь Хуайшэна, демонстрируя Си свой козырь.

Си, тяжело дыша, вдыхая пороховой гарь и чувствуя запах собственной крови, не сводил глаз с Линь Хуайшэна.

Повсюду гильзы — одна из них могла попасть в тело ягненка.

Си охватил ужас.

Арнольд прижал лезвие к шее Линь Хуайшэна, приказывая:

— Брось оружие!

Теперь уже Си казался загнанным в угол зверем.

— Я сказал, брось оружие! — рявкнул Арнольд.

Си не знал, что этот презренный «похититель», которого он так ненавидел, приставляя острие

к горлу ягненка, другой рукой нежно обхватил запястье Линь Хуайшэна, прикрывая его раны.

<http://bllate.org/book/20559/2054837>